

СТРАТЕГИЯ И ПРОГНОЗ: ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВО, НАУКУ И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

А.И. РАКИТОВ

История знает немало обществ, которые обходились без четко сформулированных стратегий и прогнозов развития десятками тысяч лет. Первобытные собиратели, охотники и земледельцы не строили стратегий. С развитием охотничьих промыслов и, особенно, с возникновением скотоводства и земледелия понадобились прогнозы, касавшиеся циклически повторявшихся времен года и краткосрочных предсказаний погоды. Со временем этим стали заниматься специально подготовленные члены сообщества: шаманы, колдуны, прорицатели, жрецы.

Жизнь многих обществ строилась на традициях, которые представляли собой иерархически построенную совокупность правил, определявших ролевые позиции социальных групп и их членов, правила поведения в быту и в производственной деятельности. Освященные религией такие традиции служили основой уникальной общественной устойчивости. Но по мере того, как численность древних сообществ росла, а природных ресурсов для поддержания традиционной жизни обществ стало не хватать, участились военные столкновения, в которые втягивалось все больше воинов и боевой техники, появились специалисты по руководству военными действиями — полководцы, которые в одиночку или с кучкой соратников вырабатывали линию поведения в боевых операциях. Их и стали называть стратегами.

В наши дни понятие стратегии приобрело несколько смыслов. Говорят о стратегии корпораций, о стратегиях политических партий, о стратегиях государств, которые часто облекаются в форму закона. Общим для всех них является то, что в них четко формулируется цель групповой деятельности, будь то маленькая группа или гигантское сообщество. Стратегия должна содержать в себе перечень ресурсов, необходимых для решения задач, перечень препятствий и противодействий, которые необходимо преодолеть. Она должна давать хотя бы общее представление об инструментах и механизмах, которые используются для достижения сформулированных в ней целей, и, наконец, некоторую идеологию, объясняющую и оправдывающую стратегические цели, ибо без этого никакая стратегия не будет пользоваться поддержкой членов сообщества.

Что же касается прогнозов, то в современном мире, лишенном сакральности, они опираются на науку, на более или менее точный расчет, на экономические, социологические, науковедческие, наукометрические, психологические, политологические и другие иссле-

дования, которые позволяют (если, конечно, позволяют) предвидеть возможные ситуации, возникающие в процессе общественного развития, и заблаговременно подготовиться к предотвращению или минимизации негативных последствий.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в современном мире не существует ни одной крупной фирмы или корпорации, которая обходится без своей стратегии и не пытается построить хотя бы приблизительные прогнозы. Во многих же современных государствах, особенно демократических, единых, принудительных стратегий, как правило, нет. Их стратегические «телодвижения» обычно диктуются стихией рынка, социальными механизмами и инструментами, усиливающими или сглаживающими социальные противоречия, устраняющими или подогревающими конфликтные ситуации. Зато в некоторых, до сих пор существующих тоталитарных государственных режимах, высшие государственно-политические элиты пытаются выработать такие стратегии и сформулировать четкие прогнозы, имеющие не только социально практическое, но, зачастую, пропагандистско-идеологическое назначение.

Россия на протяжении последних столетий была суперэтанетистской системой, и кратковременные «оттепели» и «перестройки» существа этой оценки не меняют.

Именно этот характер государственного управления и общественной жизни приводит к тому, что время от времени в нашей стране возникали в явном или неявном виде государственные стратегии развития. Достаточно напомнить реформы Петра, имперскую политику Екатерины II, стратегию демократизации общества и отмену крепостного права Александром II, наконец, стратегию Коммунистической партии по построению социализма и коммунизма в одной отдельно взятой стране, реализовавшейся последовательно в виде сменявших друг друга политики военного коммунизма, новой экономической политики, политики сталинских пятилеток и пятилеток застоя.

За последние два десятилетия ситуация в России резко изменилась. Общеизвестно, как сильно деградировала наша экономика, обострилась социальная дифференциация, качественно снизились показатели таких важных социальных институтов, как образование и наука.

С начала 2000 г. наступило новое десятилетие, в течение которого предпринимались попытки наладить так называемое *устойчивое развитие*, обеспечить быстрый подъем национальной экономики. Именно с начала этого десятилетия руководство страны снова предприняло попытки выработать государственную стратегию развития общества и базировать управление им на основе научно фундированных прогнозов. Появилось множество больших и маленьких стратегий инновационного развития: на 5, 10, 20 и 30 лет. Появился даже прогноз развития, опубликованный Институтом современного развития,

работавшим под патронажем Администрации Президента. Он описывал, каких невиданных экономических, социальных и культурных результатов достигнет Россия в 2050 г. (конечно, при условии, что она будет строго следовать всем указаниям авторов прогноза).

Следует сказать, что большинство краткосрочных и долгосрочных прогнозов и стратегии разного калибра так и не дали ожидаемых результатов.

В 2011 г. на заседании Правительства под председательством В.В. Путина была утверждена «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.» (Стратегия-2020). Этот документ вызвал множество комментариев, в которых преобладали скептические, в лучшем случае – осторожные, оценки. Стратегия-2020 содержит две основные цели: достижение высокого уровня благосостояния населения и завоевание лидерской позиции в формировании глобальной повестки дня. Однако Стратегия написана в сугубо декларативном стиле и количественные характеристики «благосостояния» в ней отсутствуют. О благосостоянии каких слоев населения идет речь? Также не прояснено, лидерство в каких направлениях развития имеется в виду.

Характеристика социально-экономического состояния России, как и всякой другой большой страны, дело неподъемной тяжести. Тот, кто хотел бы ознакомиться с ней хотя бы в усеченном виде, должен был бы изучить годовые отчеты и цифры, опубликованные на сайте Росстата, по крайней мере, за последние пять, поэтому я ограничусь лишь некоторыми, наиболее контрастными фактами.

Начнем с проблемы социальной имущественной дифференциации, которая, в конечном счете, объясняет уровень социальной напряженности. 3 декабря 2012 г. президент РФ В.В. Путин подписал закон № 232, согласно которому минимальный размер оплаты труда на 2013 г. устанавливается в объеме 5205 руб. Так как 2013 г. еще не закончился, укажем, что в 2012 г. МРОТ составлял 4611 руб. в месяц¹.

В 2012 г. минимальный размер зарплаты в Греции составлял 684, в Испании – 748, в Словении – 763, на Мальте – 680, а в Португалии – 566 евро². В рублевом эквиваленте³ минимальная заработная плата в Греции составила 27 360, в Испании – 29 920, в Словении – 30 520, на Мальте – 27 200, а в Португалии – 22 640 руб. Невооруженным взглядом заметна колоссальная разница в минимальных размерах оплаты труда, имевших место в России в 2012 г. – с одной стороны, и минимальными размерами оплаты труда в том же году в наиболее отсталых, пребывающих в глубоком кризисе странах Евросоюза. И это при том, что Россия входит в тройку стран с наибольшим числом долларовых миллиардеров. Их в 2012 г. было 131⁴. На их долю приходится 30% от общего благосостояния россиян, в мировом же масштабе на долю миллиардеров приходится менее 2% от общего благосостояния населения⁵.

Этой поразительной социально-имущественной дифференциации сопутствует высокий уровень коррупции. О недавно начавшихся антикоррупционных процессах знают все, достаточно напомнить, что в составленном Transparency International рейтинге «Индекс восприятия коррупции» Россия в 2012 г. заняла 133 место: это означает, что в 132 из 176 исследуемых стран уровень коррупции оценивается как более низкий, чем в России. В этих условиях строить высокоразвитую экономику в нашей стране с передовыми наукой и образованием — задача трудно осуществимая.

А между тем, в Стратегии-2020 утверждается, что «стратегической задачей в части развития науки является возвращение России в число ведущих мировых научных держав». Насколько реально решение этой задачи — зависит во многом от того, с какой стартовой площадки и при какой государственной и корпоративной поддержке должен начаться подъем российской науки.

В науковедческой литературе уже публиковались данные, характеризующие некоторые количественные параметры состояния нашей науки за последние несколько лет. В 2012 г. в России насчитывалось 3478 учреждений, выполнявших исследования и разработки (из них бюджетных — 1586). При этом затраты государства на финансирование науки в % к ВВП были более чем скромными. В 2010 г. они составляли 237 млрд. руб., или 0,53% ВВП, а в 2011 г. — 313 млрд. руб., или 0,57% ВВП. В 2012 г. расходы на науку несколько увеличились, но весьма незначительно.

По принятым в наукометрии правилам и критериям оценки эффективности науки эти показатели отражаются публикационной активностью ученых той или иной страны. По числу научных публикаций, учитываемых в электронных базах Web of Science, первое место в десятке наиболее продвинутых в научном отношении стран занимают США. Второе, если не по качеству, то по числу публикаций — Китай. Россия не входит в первую десятку наиболее продвинутых в научном отношении стран.

Естественно, что это вызывает обеспокоенность директивных органов. В Указе Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», опубликованном 9 мая 2012 г., ставится задача увеличить долю публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых Web of Science, до 2,44% к 2015 г. Здесь возникает несколько вопросов. Откуда взялась такая точность — 2,44%? Почему срок ускоренного роста числа отечественных публикаций ограничивается 2015 г., тогда как Стратегия охватывает период до 2020 г.? И, наконец, какие меры стимулирования должны быть приняты, чтобы был достигнут нужный публикационный эффект?

В Указе также предлагается увеличить к 2015 г. финансирование науки в целом до 1,77% ВВП. При этом значительная доля этой суммы (около 11%) должна приходиться на исследования, осуществляемые в вузах.

Для российской науки установлены научные приоритеты, в решении которых она должна получить значительные результаты. Ни в одном из направлений, объявленных приоритетными на период 2002 — 2010 гг. («Приоритетные направления развития науки, технологий и техники РФ»), российская наука не имела результатов мирового уровня. А российские ученые, работавшие в этих направлениях, не были удостоены ни одной сколько-нибудь значительной международной научной премии. Выбор приоритетов диктовался не глубоким профессиональным пониманием перспективных тенденций развития мировой науки, а ведомственными интересами лиц, подготавливавших решения.

И совершенно непонятно, каковы механизмы и факторы, которые будут стимулировать форсированное развитие основных научных направлений, ориентированных на достижение новых научных приоритетов, сформулированных в 2011 г. (Указ Президента «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ и перечня критических технологий РФ» от 07.07.11.).

Похоже, что ясности в этих вопросах нет ни у руководителей Министерства образования и науки РФ, ни у руководителей РАН, ни тем более в высших директивных органах. Поэтому можно согласиться с утверждением академика Е.П. Велихова, председателя Российской ассоциации содействия науке, который на первом же ее заседании объявил: «Современное состояние российской науки по целому ряду объективных показателей может быть охарактеризовано как катастрофическое. По объективным причинам экономического характера общее финансирование научно-технической сферы в современной России значительно уступает как таковому в СССР, так и современному уровню финансирования во многих развитых и развивающихся странах. Однако главная причина проблем современной российской науки — организационная. Прежде всего, губительным фактором является отсутствие внятной государственной стратегии в научно-технической сфере»⁶.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с отечественным образованием, особенно высшим, которое по сущности своей деятельности должно готовить кадры высшей квалификации, необходимые для эффективного руководства экономикой, социальной сферой, здравоохранением, промышленностью, сельским хозяйством, финансовой деятельностью, научными исследованиями, самой образовательной сферой и, наконец, обеспечивать высокий уровень безопасности и обороноспособности страны.

Советское образование высоко котировалось и ценилось во всем мире. В советских университетах в 1950 – 1980 гг. училось много иностранных студентов, особенно из стран третьего мира и так называемого «социалистического лагеря». Однако после выхода России из состава Советского Союза, особенно в период бурной «капитализации» России, качественный уровень основного общего, среднего и высшего образования начал быстро понижаться.

Возникло множество частных вузов, большей частью укомплектованных недостаточно компетентным профессорско-преподавательским составом. В государственных бюджетных вузах, получивших право набора коммерческих студентов, прежний профессорско-преподавательский состав был сильно разбавлен «новобранцами». Резко возросла учебная нагрузка на преподавателей, профессоров, сократилось время, уделяемое научным исследованиям, а во многих вузах они вообще прекратились. Оборудование в учебных лабораториях годами не обновлялось. В связи с разрушением большинства промышленных предприятий студенты инженерных вузов не проходили практику на предприятиях с современным оборудованием. В конце первого десятилетия XXI в. промышленность начала медленно, может быть чересчур медленно, подниматься. И одним из тормозов модернизации стало отсутствие свежих, молодых инженерных кадров.

Переход российских вузов на двухуровневую систему (бакалавриат; магистратура) сопровождался созданием часто недостаточно квалифицированных программ бакалавриата и магистратуры. Начались шквальные мероприятия по аттестации и аккредитации вузов и их многочисленных филиалов. Именно поэтому были разработаны критерии аттестации и аккредитации вузов и отдельных вузовских программ. В результате проведенного Минобрнауки в 2012 г. мониторинга все вузы были поделены на сильные, средние и неудовлетворяющие аккредитационным требованиям. К третьей группе были отнесены 126 государственных вузов и до 50% филиалов. Главными в этих требованиях были средний балл ЕГЭ выпускников школ, поступающих в вуз, объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на одного члена ППС, количество иностранных студентов, доходы вуза и его общая площадь в собственности или оперативном управлении⁷.

При мониторинге по указанным критериям не учитывался такой важный показатель, как качество научных исследований, проводимых ППС вуза. Впрочем, априори можно сказать, что они вряд ли могут быть конкурентоспособными на мировом рынке научных результатов, так как средняя учебная нагрузка преподавателей в большинстве российских вузов составляет 700 – 800 учебных часов, не оставляя рабочего времени на проведение серьезных научных исследований.

Одновременно была разрушена система подготовки высших научных кадров через аспирантуру и докторантуру. В конце 2012 г. проверка установила, что на одном из ученых советов МПГУ были приняты к защите и успешно выдержали ее несколько диссертаций, представляющих собой сплошной плагиат и написанные не их номинальными авторами, а за соответствующую мзду подставными лицами. Вскоре разразился настоящий диссертационный скандал, показавший, что огромное количество диссертаций создано на основе полного или частичного плагиата, написано подставными лицами, принято к защите на диссертационных советах, укомплектованных невалифицированными членами, не обеспечено качественным научным руководством, серьезным оппонированием и рецензированием.

По данным, оглашенным председателем ВАК, в России насчитывается 3400 диссоветов, при этом 1100 провели три и менее защиты в год, 200 вообще не провели ни одной защиты⁸. Нечего и говорить, что при таком положении дел пополнение науки и системы высшего образования «свежими, молодыми кадрами» высшей квалификации вызывает, по меньшей мере, большие сомнения.

Вместе с тем положение с высшим образованием обеспокоило руководителей государства. В международном рейтинге «The world university rankings» за 2012 – 2013 гг. ни один российский вуз не вошел в первые две сотни, и только в третью сотню вошел МГУ им. М.В. Ломоносова. Президент России В.В. Путин сформулировал свое требование таким образом, чтобы в ближайшие годы в числе первых ста вузов мира оказались, по крайней мере, пять российских вузов. Говоря о том, насколько реально это требование, министр образования и науки Дмитрий Ливанов заявил, что не рассчитывает на 100 конкурентоспособных на мировом уровне университетов, не верит он и в то, что их будет 50. «Но 10 – 15 мы можем создать»⁹. На чем основана такая оптимистическая оценка – министр не пояснил.

Стараясь радикально улучшить положение в науке и образовании, прежде всего высшем, Министерство образования и науки предложило несколько мероприятий. Утверждая, что наиболее авторитетная научная организация страны – Российская академия наук – архаична по своей организации, малоэффективна по результатам научных исследований, министр Д.В. Ливанов предложил создать Научный совет при Министерстве, который в перспективе мог бы стать основой альтернативы существующей Российской академии наук. Однако изменил ли существующее положение к лучшему превращение РАН в «клуб элитных ученых»?

Сегодня действительно требуются радикальные изменения всех существующих организационных форм, новые способы формирования крупных федеральных целевых исследовательских программ, системная перестройка научно-исследовательских коллективов, руковод-

ства и планирования их деятельности с учетом того, что основными единицами, определяющими направление, состояние и перспективы исследований в наши дни являются не стационарные, окостеневшие лаборатории, секторы, отделы и отделения НИИ, а исследовательские фронты, быстро возникающие и объединяющие ученых из разных организаций и даже стран. С другой стороны, попытка перебазировать научные исследования в высшие учебные заведения и сделать центрами российской науки исследовательские университеты, чревато тем, что, разрушив существующие академические институты, мы не сумеем в сжатые сроки поднять уровень и увеличить объем научных исследований в университетах.

За 90-е годы прошлого столетия мы приобрели огромный опыт по разрушению и даже уничтожению промышленных предприятий, опытно-конструкторских бюро, проектных институтов и исследовательских организаций. Теперь, похоже, наступила очередь, когда административно-чиновничий аппарат Министерства образования и науки собирается подобным же образом расправиться с государственными бюджетными академиями.

Посмотрим теперь, как можно прогнозировать и как действительно прогнозируется ближайшее будущее России. В марте 2013 г. Правительство России утвердило Прогноз развития страны до 2030 г. Я не буду останавливаться на его количественных показателях, так как каждый может ознакомиться с ними на сайте Правительства. Для понимания сути прогноза и его реальной значимости важно отметить, что авторы представили три возможных сценария его реализации: консервативный, инновационный и форсированный. Причем последний представляет будущее страны в столь радужном виде, что один известный экономист вполне серьезно заметил, что этот сценарий написан исключительно для «начальства» и имеет под собой очень мало реальной почвы.

Если для первого сценария еще можно найти объяснение, сводящееся к тому, что в России сохранится неэффективный тип экономического и социального развития, то для других сценариев искать подобные объяснения можно только во внезапном возникновении некоторых чудесных обстоятельств.

Первый сценарий предполагает, что к 2030 г. экономика России увеличится вдвое, но удельный вес России в мировой экономике снизится с 3,8% в 2012 г. до 3,6% в 2030 г. Это, вообще говоря, тоже неплохо, но авторы прогноза не предусматривают тот факт, что в силу плохого управления, экономических и политических просчетов, которых так много было в течение двух предшествующих десятилетий, эти вполне благополучные, хотя и консервативные результаты могут оказаться завышенными.

Что касается так называемого инновационного сценария, то в нем указывается, что среднегодовой рост российской экономики в прогнозируемом периоде будет составлять 4,1%. Предполагается, что этот рост будет превышать среднемировой. В России начнется мощное усовершенствование транспортной системы и быстрое развитие высокотехнологичных секторов экономики.

Расходы на науку к 2030 г. составят 2,5% ВВП. Авторы прогноза считают такие расходы сопоставимыми с расходами на науку в развитых странах. Однако почти десять лет назад, в 2005 г., расходы на науку в США составляли 2,68% ВВП, в Швеции – 3,86%, в Финляндии – 3,48%, в Израиле – 4,71% ВВП¹⁰. И надо полагать, что к 2030 г. эти расходы в развитых странах существенно вырастут. Справедливости ради отметим, что в некоторых развитых странах, например, в Канаде, в Великобритании, в Нидерландах расходы на науку составляли в 2005 г. менее 2% ВВП, но в этих странах очень высока роль частного сектора в финансировании научных исследований. Прогноз умалчивает, будет ли российский бизнес делать инвестиции в науку и образование или это по-прежнему останется прерогативой государства.

Еще более удивительными являются цифры форсированного или целевого сценария. Я бы сказал, что в каком-то смысле он и наиболее привлекателен, и наиболее фантастичен. Темпы роста ВВП по этому сценарию будут составлять 5,4%, а доля России в мировой экономике в 2030 г. должна соответствовать 5,3%. Какова будет доля финансирования науки и образования в период форсированного развития, умалчивается, зато впервые говорится, что к 2018 г. доля заработной платы бюджетников, и особенно научных сотрудников, должна составить 200% от средней заработной платы по данному региону.

Возможно, что при таких условиях наука и станет, как говорил старик К. Маркс, «главной производительной силой общества». Это позволит качественно и количественно повысить уровень человеческого капитала в России. Однако события последних лет косвенно указывают, что исполнительные органы государственной власти относятся к главному научному центру страны – РАН – скорее, с опаской и недоверием.

За последние десятилетия между Министерством промышленности, науки и технологий РФ, преобразованным в 2004 г. в Министерство образования и науки РФ, и Российской академией наук постепенно нарастали и углублялись противоречия в понимании перспектив развития и организации исследовательской деятельности в России. Академии, и особенно РАН, упрекались в исследовательской неэффективности, организационной архаичности, в старении кадрового потенциала, в отрыве от институтов, подготавливающих молодые научные кадры. В свою очередь, руководство РАН утверждало,

что, несмотря на недостаточное финансирование, исследователи РАН дают максимум научных публикаций и что их исследовательская деятельность эффективнее, чем такая же деятельность вузов, в том числе федеральных и национальных исследовательских университетов. Эта аргументация подтверждалась ссылками на то, что в период с 1950-х до начала 1990-х годов, когда государство оказывало надлежащую поддержку РАН, советская наука добилась больших успехов в самых разнообразных отраслях и направлениях научной деятельности.

Мне кажется, что в сложившихся обстоятельствах для спасения российских науки и образования целесообразно было бы предпринять следующие шаги.

1. Сохранить за государственными бюджетными академиями, включая РАН, статус высших научных экспертных организаций, а также центров стратегического планирования и определения основных направлений развития науки.

2. С учетом советского, достаточно эффективного опыта руководства и организации науки преобразовать Министерство образования и науки в Министерство образования. Одновременно создать Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), вменив ему в обязанность финансирование фундаментальных и прикладных исследований государственных проектных институтов и опытно-конструкторских бюро, финансовую поддержку федеральных целевых исследовательских программ, контроль над хозяйственной деятельностью научных институтов и организаций, осуществляющих фундаментальные и прикладные исследования. В целях концентрации усилий российских ученых на решении наиболее важных в научном отношении задач, в интересах удовлетворения государственных нужд отнести все научно-исследовательские, проектные институты, особые конструкторские бюро в ведение ГКНТ. При этом для отраслевых институтов, находящихся в подчинении соответствующих министерств, восстановить двойное подчинение с тем, чтобы министерства ставили перед ними наиболее важные для отрасли задачи. Общее финансирование и стратегическое планирование осуществлять совместно ГКНТ и отраслевыми ведомствами.

3. Существенно увеличить в течение ближайшего десятилетия, до срока исполнения Стратегии-2020, финансирование науки до объема 3 – 3,5% ВВП с учетом того, что всякая финансовая поддержка определяется не процентами, а реальными значениями в валютном исчислении.

4. Предоставить университетам и научно-исследовательским организациям, находящимся в ведении ГКНТ, максимум свободы в использовании уникальных научных установок и оборудования в целях получения эффективных исследовательских результатов мирового уровня.

5. Разработать систему законодательных мер, делающих инвестиции в высшее образование и научные исследования выгодными и привлекательными для частного и корпоративного бизнеса.

6. Считать экономическую и правовую поддержку науки и учреждений высшего профессионального образования основным элементом осуществляемых государством стратегий и ключевой проблемой, учитываемой при построении всех краткосрочных, средне- и долгосрочных прогнозов.

Мне кажется, что при выполнении этих условий можно будет вывести из нынешнего кризисного состояния не только науку и образование, но и российское государство в целом и поставить его на рельсы социально-экономического и исторического прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <http://www.audit-it.ru/news/personnel/519763.html>

² URL: <http://www.vz.ru/columns/2013/3/18/624541.html>

³ На протяжении 2012 г. 1 евро равнялся примерно 40 руб.

⁴ Россия поставила исторический рекорд по количеству миллиардеров. — URL: <http://top.rbc.ru/economics/18/02/2013/845593.shtml>

⁵ Неравенство в распределении доходов в России является самым высоким в мире. — URL: <http://www.echo.msk.ru/news/939216-echo.html>

⁶ URL: <http://www.icp.ac.ru/v-mire-nauki/nauka-v-smi/publikaczii-v-smi/1651-sostoyanie-rossijskoj-nauki-katastroficheskoe-doklad-rasn.html>

⁷ В России могут закрыть 126 вузов. — URL: <http://www.rg.ru/2012/10/11/vuzi-site.html>

⁸ Упор на репутацию // Поиск. 2013, 5 апр. С. 7.

⁹ Приготовились к скачку // Поиск. 2013, 5 апр. С. 6.

¹⁰ Внутренние затраты на ИР в % к ВВП, 2005 // Индикаторы науки: 2007: стат. сб. — М.: ГУ – ВШЭ, 2007. С. 306.

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые проблемы современного состояния российского государства, общества, образования и науки. Автор также анализирует существующие прогнозы развития страны в целом и сферы образования и науки в частности и предлагает собственную стратегию государственной политики в области науки.

Ключевые слова: академия наук, высшее образование, государственная политика, научные исследования, прогнозирование, стратегия развития.

Summary

The article examines the principal problems of the contemporary Russian state, society, education, and science. Furthermore, the author analyses the prognoses for the development of the country and the sphere of education and science, and proposes his own strategy of the public policy relating to science.

Keywords: Academy of Sciences, development strategy, forecasting, higher education, public policy, scientific researches.